

УДК 821.112.2-3(436)
ББК 84(4Авс)я44
К30

Перевод с немецкого

Серия «Классика на пятерочку!»

Художественное оформление серии — Meethos

Кафка, Франц.

К30 Превращение : [перевод с немецкого] /
Франц Кафка. — Москва : Эксмо, 2019. — 256 с.

ISBN 978-5-04-105854-8

Франц Кафка — самая странная фигура европейской литературы XX столетия. Критики причисляют его ко всем литературным направлениям по очереди, называя и основоположником абсурдизма, и классиком магического реализма, и мастером модернизма, и предшественником экзистенциалистов. Его герои ищут ответы на незадаанные вопросы, блуждая в тумане, на грани реальности, пустоты и ужаса, приковывая к себе взгляды все новых поколений читателей. Трагическая обреченность столкновения «маленького» человека с парадоксальностью жизни, человека и общества, человека и Бога, кошмарные, фантастические, гротескные ситуации — в сборнике представлены самые известные произведения великого австрийца.

УДК 821.112.2-3(436)
ББК 84(4Авс)я44

- © Архипов Ю., перевод на русский язык, 2019
- © Рудницкий М., перевод на русский язык, 2019
- © Айт С., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Станевич В., перевод на русский язык. Наследники, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105854-8

ПРИГОВОР

История для Фелиции Б.

Это было воскресным утром, дивной весенней порой. Георг Бендеман, молодой коммерсант, сидел в своей комнате, во втором этаже одного из приземистых, наскоро построенных зданий, что вереницей протянулись вдоль реки, слегка отличаясь одно от другого разве лишь высотой и колером покраски. Он только что закончил письмо другу юности, обретавшемуся теперь за границей, с наигранной медлительностью заклеил конверт и, облокотившись на письменный стол, устремил взгляд за окно — на реку, мост и холмы на том берегу, подернувшиеся первой робкой зеленью.

Он размышлял о том, как его друг, недовольный ходом своих дел дома, несколько лет назад буквально сбежал в Россию. Теперь у него была своя торговля в Петербурге, заладившаяся поначалу очень даже споро, но уже давно — если верить сетованиям друга во время его наездов на родину, раз от разу все более редких, — идущая ни шатко ни валко. Так он и мыкался без всякого толку на чужбине, окладистая борода странно смотрелась на его столь близком, с детства знакомом лице, чья нездоровая желтизна наводила теперь на мысль о первых признаках подкрадываю-

щейся болезни. Друг рассказывал, что с тамошней колонией земляков по сути не общается, ни с кем из местных семейств тоже знакомств не завел, так что окончательно и бесповоротно направил свою жизнь в холостяцкую колею.

О чем писать столь очевидно сбившемуся с пути человеку, которому впору посочувствовать, но помочь нечем? Допустим, посоветовать вернуться на родину, начать новую жизнь здесь, возобновив — к чему нет никаких препятствий — прежние отношения и положившись, среди прочего, на помощь друзей? Но это означало бы не что иное, как сказать ему, — чем мягче и бережней, тем для него болезненней, — что все прежние его начинания пошли прахом и надо поставить на них крест, пойти на попятный, вернуться сюда, где все будут опасно пялиться на него именно как на возвращенца, и только немногие друзья отнесутся с пониманием, но и для них он навсегда останется лишь постаревшим ребенком, обреченным беспропотно слушаться своих никуда не уезжавших приятелей, ибо те сумели преуспеть дома. Да и есть ли уверенность, что все мучения, которые невольно придется причинить другу подобным посланием, не окажутся напрасными? Удастся ли вообще стронуть его с места, вытащить домой, — ведь он сам не раз говаривал, что жизни на родине давно не понимает, — и тогда он, вопреки всему, останется на чужбине, только без нужды ожесточенный непрошеными советами и еще больше отделившись от своих и без того далеких друзей. Если же он вдруг и в самом деле последует совету, но — и не просто по склонности натуры, а под гнетом

обстоятельств — впадет здесь в нищету и уныние, не обрета себя ни с помощью приятелей, ни без них, страдая от стыда и унижений, теперь-то уж окончательно лишившись родины и друзей, — разве в таком случае не правильнее для него оставить все как есть и продолжать жить на чужбине? А учитывая все обстоятельства, возможно ли рассчитывать, что ему и впрямь удастся повернуть здесь свои дела к лучшему?

Исходя из всех этих соображений, получалось, что другу, если вообще поддерживать с ним переписку, ничего существенного, о чем без раздумий напишешь даже самым дальним знакомым, сообщать нельзя. Он уже больше трех лет не был на родине, крайне неубедительно объясняя свое отсутствие политическим положением в России, смутная ненадежность которого якобы исключает для мелкого предпринимателя возможность даже самой краткой отлучки, — и это во времена, когда сотни тысяч русских преспокойно разъезжают по всему свету. Между тем именно за эти три года в жизни Георга очень многое переменилось. О кончине матери, последовавшей около двух лет назад, после чего Георгу пришлось зажить одним хозяйством с престарелым отцом, друг, видимо, еще успел узнать и выразил соболезнование письмом, странная сухость которого объяснялась, вероятно, лишь тем, что вдали, на чужбине, воспроизвести в душе горечь подобной утраты совершенно невозможно. Георг, однако, после этого события гораздо решительнее взялся за ум и за семейное дело. То ли прежде, при жизни матери, по-настоящему самостоятельно развернуться ему мешал отец, ибо

признавал в делах только одно мнение, свое собственное. То ли сам отец после смерти матери, хоть и продолжал работать, стал вести себя потише, то ли, и это даже очень вероятно, судьбе охотнее обычного пособил счастливый случай, — как бы там ни было, а за эти два года семейное дело, против всех ожиданий, резко пошло в гору. Штат служащих пришлось удвоить, оборот возрос впятеро, да и в грядущих успехах не приходилось сомневаться.

Друг, между тем, обо всех этих переменах понятия не имел. Прежде, — в последний раз, кажется, в том самом письме с соболезнованиями, — он все пытался уговорить Георга тоже перебраться на жительство в Россию, расписывая самые наилучшие виды, какие открываются в Петербурге именно в его, Георга, отрасли. А цифры при этом называл ничтожные в сравнении с объемами, которыми ворочает теперь Георг в своем магазине. Тогда Георгу не хотелось расписывать другу свои деловые успехи, а сейчас, задним числом, это тем более выглядело бы странно.

Вот он и ограничивался тем, что писал другу о всякой ерунде, какая без порядка и смысла всплывает в памяти в покойные воскресные часы. Хотелось одного: ни в коем случае не потревожить образ родного города, сложившийся в представлении друга за годы отсутствия, каковым представлением друг, похоже, и предпочитал довольствоваться. В итоге как-то само собой вышло, что о предстоящей помолвке совершенно безразличного ему знакомого со столь же безразличной ему барышней Георг с довольно большими промежутками уведомил друга уже в трех письмах, вслед-

ствие чего тот, что никак в намерения Георга не входило, оным курьезным пустяком даже весьма заинтересовался.

И все же Георг предпочитал писать о подобной чепухе, нежели признаться, что сам вот уже месяц как помолвлен — с мадемуазель Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи. Он, кстати, часто беседовал с невестой об этом своем друге и о странностях их переписки.

— Выходит, он даже на свадьбу не приедет? — удивлялась та. — Мне кажется, я вправе увидеть всех твоих друзей.

— Да не хочется его беспокоить, — отвечал Георг. — Пойми меня правильно, он наверняка приедет, по крайней мере, мне хочется так думать, но приедет безо всякой охоты, будет чувствовать себя обделенным, а может, и завидовать мне, и, не в силах устранить саму причину огорчения, конечно же, будет огорчен, что снова возвращается домой один. Один — ты хоть понимаешь, что это значит?

— Но разве не может он прослышать о нашей свадьбе от кого-то еще?

— Что ж, предотвратить этого я не могу, однако при его образе жизни это маловероятно.

— При таких друзьях, Георг, тебе вовсе не стоило бы жениться.

— Да, это наша общая с тобой провинность, но даже сейчас мне не хотелось бы ничего менять.

А немного погодя, когда она, прерывисто дыша под его поцелуями, произнесла: «И все-таки меня это задевает», — он подумал, что и вправду ничего обидного не совершит, если начистоту напишет другу все как есть.

«Ну да, я такой, пусть таким меня и принимает, не могу же я перекроить себя в другого человека, более способного к дружбе».

И действительно, в пространным письме, написанном в это воскресное утро, Георг уведомил друга о своей помолвке вот в каких словах: «А самое радостное известие я припас напоследок. Я заключил помолвку с одной барышней, мадемуазель Фридой Бранденфельд, девушкой из состоятельной семьи, которая поселилась в наших краях много позже твоего отъезда, так что вряд ли ты ее знаешь. При случае я еще расскажу о своей невесте подробнее, сегодня тебе довольно услышать, что я весьма счастлив, а в наших с тобой отношениях переменится лишь одно: вместо самого заурядного друга у тебя теперь будет счастливый друг. Вдобавок и в моей невесте, которая на днях сама тебе напишет, а сейчас шлет сердечный привет, ты обретешь задушевную подругу, что для холостяка отнюдь не безделица. Я знаю, многое удерживает тебя от приезда в родные места. Но разве моя свадьба — не подходящий повод хоть однажды махнуть рукой на все препоны? Впрочем, как бы ты ни решил, ты в любом случае волен поступать без церемоний, сугубо по своему усмотрению».

С этим-то письмом в руках Георг и замер в долгом раздумье за письменным столом, устремив взор за окно. Знакомцу, который, проходя внизу по улице, с ним поздоровался, он едва ответил отрешенной улыбкой.

Наконец, сунув письмо в карман, он вышел из комнаты и наискосок по коридорчику направился в комнату к отцу, куда не заглядывал уже

несколько месяцев. Особой нужды туда заглядывать не было, ведь они с отцом постоянно виделись в магазине. И обедали в одно и то же время в одном трактире, хотя ужинали порознь, по своему хотению и вкусу, но после еще какое-то время сидели вместе в общей гостиной, каждый за своей газетой, если только Георг, как это чаще всего и бывало, не проводил вечер с друзьями или, как намечалось нынче, в гостях у невесты.

Георг удивился, до чего темно в отцовской комнате даже этим солнечным днем. Вот, значит, как застит свет высоченная стена, нависающая над их узким двориком. Отец сидел у окна в углу, где были собраны и развешены вещицы и фотографии в память о покойной матери, и читал газету, причем держал ее перед собой не прямо, а вкось, подлаживаясь глазами к какой-то старческой немощи зрения. На столе Георг разглядел остатки завтрака: судя по их виду, поел отец без всякого аппетита.

— А-а, Георг, — встрепенулся отец и тотчас направился ему навстречу.

На ходу его тяжелый халат распахнулся, полы широко раскрылись. «Отец у меня все еще богатырь», — успел подумать Георг.

— Здесь же темень несусветная, — вымолвил он чуть позже.

— Верно, темень, — отозвался отец.

— А у тебя еще и окно закрыто?

— Мне так лучше.

— На улице-то совсем тепло, — как бы в подкрепление сказанному заметил Георг, присаживаясь.

Отец принялся убирать со стола посуду, переставляя ее на комод.

— Я только хотел сказать тебе, — продолжал Георг, рассеянно, но неотрывно следя за стариковскими движениями отца, — что все-таки написал в Петербург о своей помолвке.

Он на секунду за самый краешек извлек конверт из кармана и тут же уронил его обратно.

— В Петербург? — переспросил отец.

— Ну да, моему другу, — пояснил Георг, стараясь перехватить отцовский взгляд. «В магазине-то он совсем не такой, — пронеслось у него в голове. — Вон как расселся, вон как руки на груди скрестил».

— Ну да. Твоему другу, — повторил отец со значением.

— Ты же знаешь, отец, я сперва хотел эту новость от него утаить. По одной только причине: щадил его чувства. Сам знаешь, человек он тяжелый. Вот я и сказал себе: если он прослышит о моей свадьбе от кого-то еще, что при его замкнутом образе жизни маловероятно, тут уж ничего не поделаешь, но сам я покамест ничего сообщать ему не стану.

— А теперь, значит, опять передумал? — проговорил отец, откладывая на подоконник пухлую газету, а на газету очки, которые для верности прикрыл ладонью.

— Да, теперь опять передумал. Я сказал себе: если он мне настоящий друг, то счастье моей помолвки и для него будет счастьем. А коли так, самое время обо всем ему сообщить без околичностей. Только вот, прежде чем письмо отправить, тебе зашел сказать.

— Георг, — проговорил отец, странно распяливая беззубый рот, — послушай-ка меня. Ты зашел по делу, зашел посоветоваться. Что, несомненно, делает тебе честь. Только это пшик и даже хуже, чем пшик, если ты, придя посоветоваться, не говоришь мне всей правды. Не стану касаться вещей, которые к делу не относятся. Хотя после смерти нашей незабвенной, дорогой матери кое-какие некрасивые вещи имели место. Может, еще придет время обсудить и их, причем скорее, чем мы думаем. Я стал кое-что упускать в делах, а может, от меня кое-что и скрывают, — хотя мне не хотелось бы думать, что от меня что-то скрывают, — у меня уже и силы не те, и память не та. Столько дел — я не могу, как раньше, все удержать в голове. Во-первых, годы, с природой не поспоришь, а во-вторых, смерть нашей матушки потрясла меня куда сильнее, чем тебя. — Но коль скоро мы обсуждаем это дело, говорим об этом письме, прошу тебя, Георг, не надо меня обманывать. Это ведь мелочь, она не стоит и вздоха, поэтому не обманывай меня. Разве у тебя и вправду есть друг в Петербурге?

От растерянности Георг встал.

— Оставим лучше моих друзей. Будь их хоть тысяча, они не заменят мне родного отца. Знаешь, о чем я подумал? Ты совсем себя не щадишь. А возраст все-таки заявляет свои права. В деле мне без тебя не обойтись, ты прекрасно это знаешь; но если работа угрожает твоему здоровью, я прикрою магазин завтра же. Так не пойдет. Нам следует переменить твой образ жизни. Причем в корне. Ты сидишь здесь в темноте, хотя в гостиной тебе было бы светло и уютно. Тебе надо как следует

питаться, а ты едва притронулся к завтраку. Ты сидишь при закрытом окне, когда тебе надо дышать свежим воздухом. Нет, отец! Я позову врача, и мы во всем станем следовать его предписаниям. Мы поменяемся комнатами, ты переедешь в мою, а я переберусь сюда. Ни малейших перемен ты не почувствуешь, мы перенесем отсюда туда все как есть. Впрочем, это пока не к спеху, а сейчас лучше приляг ненадолго, тебе обязательно нужно отдыхать. Дай-ка я помогу тебе раздеться, вот увидишь, у меня получится. Или хочешь сразу перейти в мою комнату, тогда мы пока что уложим тебя на мою кровать. Пожалуй, это будет самое правильное.

Георг стоял над отцом почти вплотную; тот замер в кресле, тяжело понутив на грудь седую, всклокоченную голову.

— Георг, — произнес отец тихо, по-прежнему не шевелясь.

Георг тотчас опустился перед отцом на колени: огромные, зияющие зрачки смотрели с утомленного отцовского лица искоса, но в упор.

— Нет у тебя никакого друга в Петербурге. Ты всегда был выдумщик, и теперь вот не удержался, даже отца решил разыграть. Ну откуда у тебя — и друг в Петербурге! В жизни не поверю.

— Да ты лучше вспомни, отец, — увещевал Георг, приподнимая отца с кресла и, пока тот стоял, слабый и опешивший от растерянности, ловко снимая с него халат, — скоро почти три года пройдет, как этот мой друг нас навещал. Помню, ты вообще-то не особенно его жаловал. По крайней мере дважды мне пришлось сказать тебе, что у нас

никого нет, хотя он в это время как раз в моей комнате сидел. Причем я даже понимал тогда твою неприязнь, этот мой друг — он со странностями. Но иногда ты вполне благосклонно с ним беседовал. Я, помню, ужасно гордился, что ты вообще его выслушиваешь, киваешь, вопросы задаешь. Ты подумай хорошенько и обязательно вспомнишь. Он рассказывал невероятные истории о русской революции. К примеру, о беспорядках в Киеве, где он был в деловой поездке и своими глазами видел, как священник, стоя на балконе, прямо у себя на ладони вырезал крест и воззвал к толпе, вскинув перед собой окровавленную руку. Ты потом сам не раз эту историю пересказывал.

Тем временем Георгу удалось снова усадить отца и осторожно стянуть с него трикотажные штаны, которые тот носил поверх подштанников, и снять носки. При виде несвежего исподнего ему стало совестно: он совсем запустил отца. Разумеется, следить за отцовским бельем — тоже его обязанность. С невестой он еще ни разу всерьез не обсуждал, как они обустроят отцовское будущее, но молчаливо подразумевалось, что отец останется жить на старой квартире один. Сейчас в порыве внезапной решимости Георг твердо вознамерился приютить отца в их будущем жилище. Ведь, приглядевшись пристальнее, в пору едва ли не опасаться, как бы забота и уход, уготованные старику на новом месте, не оказались запоздалыми.

Георг на руках понес отца в постель. Прodelывая недолгий путь до кровати, он чуть не обомлел от ужаса, когда понял, что прильнувший к его